

А.В. Романова

«ОБЛОМОВ» С АКЦЕНТОМ

Библиография публикаций произведений И.А. Гончарова и литературы о нем сейчас насчитывает около 7000 позиций (не считая текстов инсценировок и статей о театральных и кинематографических постановках). «Обломову» в XX в. посвящено около 700 публикаций на русском языке (всего — около 850)¹.

Обратимся к одному акценту, с которым исследователи сейчас говорят об «Обломове» и которого не было в XIX в., — к религиозному акценту.

В XIX в. роман рассматривался в плане эстетики, поэтики, истории литературы, психологии, социологии, медицины. Нравственные уроки «Обломова» были чрезвычайно важны для читателей. Прогрессивные педагоги, начиная с 1860-х гг., вели упорную борьбу за включение произведений писателя в курс средней школы, и к концу века «в практике старших классов твердо установился метод целостного анализа романа „Обломов“ при выделении отдельных глав для текстуального изучения»².

Первая работа о творчестве Гончарова в связи с религиозной тематикой появилась только в 1891 г., и касалась она «Фрегата „Паллада“»³. Анализ библейской основы образов и сюжетных ситуаций романа «Обломов» начался только в XX в., тогда как в отношении «Обрыва» это произошло раньше. В последнем романе образность такого рода очевидна, — хотя первоначально она не рассматривалась как феномен, поскольку была обиходной. Ко второй половине XX в. в российском литературоведении установилась прочная традиция выявления в произведениях Гончарова, в том числе в романе «Обломов», сюжетных архетипов, аллюзий и мотивов, связанных с Ветхим и Новым заветом (работы Д.С. Лихачева, Ю.М. Лощица, В.А. Недзвецкого, В.И. Мельника, М.В. Отрадина, В.А. Котельникова, Е.А. Краснощековой, Н.И. Пруцкова, В.Н. Ильина и др.).

В последнее время в связи с актуальностью мотивного анализа выявление библейских мотивов в романе стало чрезвычайно популярным. Об «Обломове»

---

¹ Учтены и те книги и статьи, в заголовке которых нет слова «Обломов», но значительная часть текста посвящена этому роману. См. библиографию: <http://www.goncharov.spb.ru/bibl-rom>.

² *Медведев В.П.* Система работы над романом И.А. Гончарова «Обломов» в IX классе средней школы // Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1957. Т. 105. Вып. 3. С. 153–163.

³ [Б.п.] И.А. Гончаров о высокопреосвященном Иннокентии // Церковный вестник. 1891. 24 янв. № 4. С. 62–63 (по очерку «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске». — А.Р.).

писали Ю.И. Мармеладов¹, С.Н. Шубина², А.В. Чернов³, М.В. Глазкова⁴, С.А. Ларин⁵, Н.А. Тарковская⁶. Особняком среди новейших работ стоит книга С.М. Телегина «Русский мифологический роман», где в главе, посвященной «Обломову»⁷, в порядке «мифореставрации»⁸ перечислены выявленные автором религиозные мотивы и «сакральные моменты»⁹.

¹ *Мармеладов Ю.И.* Грозы Гончарова и Островского // Мармеладов Ю.И. Тайный код Достоевского: Илья-пророк в русской литературе. СПб., 1992. С. 117–128. Речь в работе идет о библейских мотивах в романах Гончарова, связанных с Илей-пророком.

² *Шубина С.Н.* Библейские образы и мотивы в любовной коллизии в романе И.А. Гончарова «Обломов» // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 173–180.

³ *Чернов А.В.* Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // **Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет**, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 151–158.

⁴ *Глазкова М.В.* Топос сада в романном мире И.А. Гончарова: (На материале романов «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв») // Православная культура в России: прошлое и настоящее: (По материалам Вторых Св.-Филарет. чтений). М., 2007. С. 125–129.

⁵ *Ларин С.А.* «Змеиный» комплекс в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Рус. филология. Тарту, 2006. № 17. С. 43–48.

⁶ *Тарковская Н.А.* Диалог античных и христианских мотивов в романе И.А. Гончарова «Обрыв». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кострома, 2006. Исследовательница анализирует проблему движения исторического времени и исторических эпох в «Сне Обломова», намеченную Гончаровым еще в «Обыкновенной истории», и среди прочего, пишет: «Обломовка — это пластичность и телесность, Верхлево — воля и духовность» (с. 9). Рассматривая противостояние представителей этих локусов, Обломова и Штольца, Н.А. Тарковская делает вывод, что «в финале Гончаров, по праву авторской воли, определяет „победителя“ в этом споре, связывая свои надежды на возрождение России из хаоса с возвращением к христианским святоотеческим ценностям» (с. 17).

⁷ *Телегин С.М.* Анатолия мифологического романа: («Обломов» И.А. Гончарова) // Телегин С.М. Русский мифологический роман. М., 2008. С. 31–63.

⁸ Метод мифореставрации разработан С.М. Телегиным и впервые предложен им в статье 1990 г. о Достоевском. Исследователь полагает, что миф, который «содержится в литературном произведении и который филолог должен из него выделить путем мифореставрации, на самом деле скрывается в самом филологе и извлекается из него» (Там же. С. 16). Об ориентированности русского романа XIX в. (и, в частности, «Обломова» и «Обрыва») на миф ранее писал Ю.М. Лотман (*Лотман Ю.М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. В школе поэтического текста: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 328–338; о мифе в «Обломове»: С. 337–338).

⁹ Понимая миф, как «особую форму сознания» и «высшую сакральную реальность в жизни человека» во Вселенной (*Телегин С.М.* Анатолия мифологического романа. С. 3), которая «есть художественное творение Бога, Его искусство» (Там же. С. 7), С.М. Телегин полагает, что именно «в мифе, а не в сознании человека, в подсознании и откровении, а не в личных переживаниях, пристрастиях или познаниях писателя можно найти ключи к художественному произведению» (Там же. С. 17). Поэтому он сопоставляет образ Обломова с Илей-пророком, основываясь на сюжетном совпадении: истории отшельника и вдовы (это сходство, впрочем, было отмечено и другими исследователями). Ученый не использует гончаровский биографический и творческий

Уроки веры, которые можно было бы вынести при чтении романа, до конца XX в. не рассматривались никогда. В XIX в. в сознании части читателей и критиков установилось мнение о Гончарове как об объективном художнике (В.Г. Белинский, А.А. Григорьев, Д.И. Писарев, Р.В. Иванов-Разумник). Л.Н. Толстой не признавал за Гончаровым никакого «истинно религиозного искания»¹. Д.С. Мережковский писал, что «религия, как она представлялась Гончарову, — религия, которая не мучит человека неутолимой жаждой Бога, а ласкает и согревает сердце, как тихое воспоминание детства»². Те, кто не был знаком в подробностях с личностью и биографией Гончарова, и вовсе считали его объективным. До такой степени объективным, что еще в 1916 г. в журнале «Христианская мысль» критик Н. Стойков отмечал: «Гончаров в своих произведениях избегал острых тем, волнующих вопросов религии и морали, довольствуясь ролью объективного наблюдателя жизни и деятельности своих героев», — и более того, писатель «должен был делать вид, что они (проклятые вопросы духа. — *А.Р.*) его страшно интересуют, занимают»³.

С этим мнением об индифферентности полемизировал (в общем плане) прежде всего Е.А. Ляцкий, доказывая субъективность творчества Гончарова. М.В. Суперанский, исследуя биографию писателя, обнаружил, что его предки были людьми основательно религиозными⁴ (доказательством чему служит известный теперь всем семейный «Летописец»⁵, изданный усилиями сотрудников Историко-литературного музея И.А. Гончарова в Ульяновске). Однако

контекст. Даже тихая смерть героя во сне сравнивается с вознесением пророка Илии на небо на огненной колеснице (Там же. С. 53). Будучи уверен, что Илия в Апокалипсисе обозначен как предтеча Мессии, а в Евангелиях принимается за Иоанна Крестителя, С.М. Телегин делает вывод: «сына Ильи Ильича зовут Андрей Обломов. Сочетание его инициалов (А и О) — это „альфа и омега“, сакральные инициалы Христа-Логоса. Илья Ильич „вводит“ своего сына, как пророк Илия вводит Мессию, а Иоанн Креститель — Христа. История пророка Илии, воплощенная Гончаровым в образе Ильи Ильича Обломова, служит основой и парадигмой русского мифа <...>, всего метода мифореставрации <...>. Роль Обломова в том, чтобы через непосредственную инициацию передать филологу тайны мифореставрации» (Там же). Кроме того, переходя от христианских ассоциаций к языческим, исследователь соотносит образ Обломова и с Гермесом, посланцем богов и душеносцем, и Перуном, и былинным Ильей Муромцем, и древним Илом (Элом), демиургом, первопредком, «отдыхающим богом», отождествляемым с Зевсом и Перуном... Обломов в концепции исследователя — герой шаманского типа, который стремится к преобразению мира магией мысли; наконец, он и Гелиос, и «черное Солнце царства мертвых» (Там же. С. 21, 51).

¹ Булгаков В.Ф. Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1920. С. 5.

² Мережковский Д.С. Гончаров // Мережковский Д.С. Акрополь: Избр. литературно-критические статьи. М., 1991. С. 129.

³ Стойков Н. Правда земли и правда неба: (По поводу 25-летия со дня смерти И.А. Гончарова) // Христианская мысль. 1916. Кн. 10. С. 98, 99.

⁴ Суперанский М.Ф. Воспитание И.А. Гончарова // Русская школа. 1912. № 5–6. С. 1–19; № 7–8. С. 14–35.

⁵ Гончаровский летописец. Ульяновск, 1996. Вып. 1: Летописец семьи Гончаровых.

М.В. Суперанский после тщательного исследования сделал следующий вывод: «Что касается внутренней религиозности, то о ней мы знаем очень мало. В эту святая святых своей души он не пускал любопытных глаз»¹.

Рассуждения о религиозности Гончарова с этого момента начинают множиться².

В XX в. появление в печати многих писем Гончарова показало человека, не только не индифферентного к вопросам религии, но и начитанного в Св. Писании, размышлявшего о вере, стремившегося к исполнению христианских заповедей. Такой образ не мог не привлечь внимания исследователей. И когда, вследствие известных изменений в нашей стране, говорить вслух о вере вновь стало возможно, заговорили и о вере и степени воцерковленности Гончарова, о том, как его вера проявилась в его произведениях, о том, насколько его герои — христиане, и т.д. (конечно, в первую очередь с этой точки зрения рассматривался «Обрыв»). «Религиозный подход» к роману «Обломов» связан с заданным писателем очень высоким нравственным уровнем героя: «...в нем дороже всякого ума: честное, верное сердце! Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь. <...> Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердца не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться» (IV, 467).

К теме веры исследователи пришли через анализ образа героя романа, через выстраивание иерархии ценностей³.

Еще в 1960 г. в статье, правда, малодоступной тогдашним советским ученым, Н. Нароков писал: «Прежние основы рассмотрения обломовщины были ограничены двумя сторонами: так сказать, биологическими признаками обломовщины (апатия, сонливость, инертность), и душевными свойствами Ильи Ильича (кротость, нежность, нравственная чистота). Никакой третьей стороны в рассмотрении обломовщины не было. А тем не менее эта третья сторона есть: это — та идея, которая руководила Обломовым, и то миропонимание, которое ему было присуще. <...> Основная идея, руководившая

¹ Лит. наследство. М., 2000. Т. 102: И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 619–620.

² См., например: Ремизов Н.А. И.А. Гончаров в религиозно-этических и социально-общественных воззрениях в своих произведениях. Харьков, 1913; Кмитарев Я.Н. Вопросы религии и морали в русской художественной литературе: И.А. Гончаров // Педагогический сб. 1913. № 5. С. 547–560. В обоих случаях рассматривается «Обрыв».

³ В современном литературоведении, в связи с понятным желанием «оправдать» Обломова после многолетней традиции трактовать его как сатирический персонаж, продукт обломовщины, возникает тенденция поэтизации героя. Характерным ее проявлением может служить, например, статья Н.В. Володиной, в которой Обломов сопоставляется с героями средневековой житийной литературы, а сама его жизнь представлена «в романе как житие» (конкретным поводом для этого замечания явилась рассматриваемая далее статья В.Н. Криволапова) (см.: Володина Н.В. Литературный герой как читатель: (На материале русской литературы 1860-х годов) // Череповецкий гос. ун-т. Каф. лит. Гл. 2: «Эстетическое сознание» персонажей романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». Череповец, 1997. С. 29).

Обломовым, это идея покоя»¹. Эта интенция выявления покоя как главной идеи практически одновременно проявилась и в СССР. Мнение советского ученого В.Д. Сквозникова в то время было таким: «„Голубиная душа“ Обломова решительно отрицает мир фальшивой активности, враждебной человеку, жизни, природе, прежде всего мир активного буржуазного „дела“. Но сама эта душа, как показывает Гончаров, в своей крайней слабости выступает враждебной жизни стихией»².

На этом пути далее следует отметить биографию, изданную Ю.М. Лошицем³ в 1986 г., в которой Гончаров предстает как сложная и привлекательная личность, а роман «Обломов» — вершина его творчества — как выражение идеалов русского человека, стремящегося от буржуазной суетливой деловитости к миру, гармонии и покою.

Именно покой Обломова, в связи с оживлением и одновременно повышенной тревожностью общества, разбуженного перестройкой⁴, оказался тем магнитом, который втянул в орбиту размышлений о романе тенденцию обращения к вопросам религиозности Гончарова.

Феномен покоя в религиозно-философских и художественных контекстах подробно исследовал В.А. Котельников⁵. Соглашаясь с М.М. Пришвиным в оценке покоя, обретенного Обломовым («<Покой Обломова> таит в себе запрос на высшую ценность»⁶), он полагает, что хотя «запрос этот зачастую прячется в складках обломовского существования, представленного автором как природно-телесное по преимуществу» (с. 30), его сила и определенность от этого не умаляются. «В Обломове телесно-чувственный покой восходит к покою душевному и далее — к покою духовному, к области надприродного покоя, где возможно достижение абсолютного блага (в христианском понимании. — *А.Р.*)» (с. 30), — пишет В.А. Котельников, добавляя (на наш взгляд, противоречиво по отношению к тексту романа), что то же стремление, хотя и в меньшей степени, присуще образу Ольги. В то время как в образе Агафьи Матвеевны идеал покоя оказался воплощен (с. 31). Исследователь полагает,

¹ *Нароков Н.В.* Оправдание Обломова: (К 100-летию романа) // Новый журнал. 1960. № 59. С. 95–108.

² *Сквозников В.Д.* Роман И.А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И.А. Обломов. М., 1963. С. 3–22.

³ *Лошиц Ю.М.* Гончаров. М., 1986.

⁴ «Сегодня перед мыслящими людьми нашей страны со всей остротой встает вопрос об утраченных за последние десятилетия духовных основах бытия, вследствие чего все более актуальным становится обращение к классической литературе — носительнице и проповеднице духовно-нравственных начал, вечных общечеловеческих и православно-христианских идеалов. В этой сокровищнице духовности не последнее место принадлежит и произведениям И.А. Гончарова» (*Тарковская Н.А.* Диалог античных и христианских мотивов... С. 3).

⁵ *Котельников В.А.* «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1. С. 3–41.

⁶ *Пришвин М.М.* Дневниковая запись 15 апреля 1921 года // Контекст—1974. М., 1975. С. 323.

что пока «тварное существо в Обломове, казалось бы, пребывает неподвижным в последнем жизненном положении, движения человека духовного в нем простираются к отдаленнейшим горизонтам» (с. 31). В статье отмечены гончаровские сравнения Обломова с Платоном и особенно с пустынными старцами (с. 32), которые В.А. Котельников воспринимает не как обозначение Гончаровым внешнего сходства ситуаций, но как подчеркивание духовности героя. Представляется, что это не совсем верно. Пустынные старцы живыми ложились в гроб, чтобы отречься от себя и мира и глубже познать Бога, а Обломов таких целей совсем не преследовал. У Гончарова есть намек на исключительно внешнее сходство ситуаций — «гроб... существования», в который укладывался Обломов, назван «широким» (ср. с употреблением слова «тесный» в известном тексте: «входите тесными вратами» (Мф. 7:13)).

Уже на этом, достаточно раннем этапе постсоветского осмысления наследия русской классической литературы, П.Е. Бухаркин заметил тенденцию рассматривать роман «Обломов» в контексте проблемы «литература и христианство» — «литература и Церковь»¹. Исследуя полисемантическую природу слова «мечта», обозначающего одну из ключевых и во многом положительных в культуре русского народа дефиниций, но в христианском понимании имеющего только отрицательный знак, он нашел, что мечтательность Обломова не несет однозначного зла, а пассивность и вялость персонажа показаны как следствие мечтательности: мечта — уход в покой от суеты. Одновременно П.Е. Бухаркин расценивает покой Обломова как «бегство от напряженного духовного труда, уход от Бога» (с. 41). В связи с этим Агафья Матвеевна рассматривается исследователем как спутник Обломова, явно и недвусмысленно ослабляющий внешнюю и внутреннюю активность персонажа, и потому далекий от идеала (с. 41). Признавая наличие у Гончарова христианского духа, он полагает, что связи писателя с церковью «достаточно нейтральны» (с. 43). В своей статье П.Е. Бухаркин также выделил две большие, частично сливающиеся, группы работ. К первой он отнес исследования, в которых речь идет «о контактах тех или других авторов с жизнью и учением русской православной Церкви, о притяжениях и отталкиваниях светской культуры и церковной духовности» (с. 32). Сюда же примыкают сочинения мыслителей XIX — начала XX вв., в которых «религиозные темы и духовные искания литераторов анализируются в свете учения именно русского православия» (с. 32). Ко второй группе принадлежат более многочисленные работы, «где разговор ведется о христианских взглядах литераторов вообще. Их создатели неощутимо заменяют проблему церковности другой — проблемой религиозности» (с. 33).

Сейчас, спустя почти пятнадцать лет после выхода статьи П.Е. Бухаркина, думается, что в первой из названных им групп стоило бы выделить подгруппу: миссионерские по своим интенциям статьи таких авторов, которые в связи с наступившими политическими переменами в стране получили воз-

¹ Бухаркин П.Е. Православная Церковь и светская литература в Новое время: основные аспекты проблемы // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 32–60.

можность открыто заявить о своих христианских убеждениях и обращаются к таковым же читателям¹.

В.И. Мельник приближался к теме отражения православия в творчестве Гончарова издалека. В статье «Философские мотивы в романе И.А. Гончарова „Обломов“: К вопросу о соотношении „социального“ и „нравственного“ в романе»² он писал: «Ныне начинают появляться работы, в которых Гончаров рассматривается как писатель, едва ли не идеализирующий Обломова со всеми его патриархальными привязанностями; проблема „обломовщины“ при этом отходит на второй план и не влияет на оценку героя и тем самым на определение всей проблематики романа. <...> изучение антибуржуазного аспекта <...> романа „Обломов“ будет исторически верным лишь в том случае, если в поле зрения исследователя окажется вся проблематика произведения, если вопрос о „штольцевщине“ не будет заслонять и, более того, подменять собой вопрос об „обломовщине“. В противном случае недолго прийти к неверному одностороннему выводу, к оправданию Обломова, к апологетизации духовных ценностей якобы идиллической Обломовки³. <...> Образ Обломова свидетельствует об утрате героем духовности, гармонии и цельности» (с. 82–83, 91).

Затем В.И. Мельник обратился к исследованию этики Гончарова, начав статьями «В поисках человека. (Размышления о трилогии И.А. Гончарова)»⁴, «Народ в творчестве И.А. Гончарова. (К постановке вопроса)»⁵ и «И.А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма»⁶ (в последней были рассмотрены библейские реминисценции в некоторых текстах Гончарова). Это исследование вылилось в докторскую диссертацию «Художественные искания и этический идеал И.А. Гончарова» (1989), а затем результаты работы были обобщены для широкого читателя в книге «Этический идеал И.А. Гончарова» (Киев, 1991)⁷.

¹ Работы подобного рода С.Г. Бочаров отнес к религиозной филологии: «Религиозный человек иначе читает литературу, и религиозный филолог иначе ее рассматривает и исследует. На свою религиозную позицию личную филолог ссылается как на теоретический аргумент, в конечном счете решающий; она возводится в концептуальное отличие <...>. Что происходит с классическими текстами, читаемыми глазами религиозного филолога наших дней? Они теряют свою свободу, теряют себя, они перестают быть самими собой. Перед судом религиозной филологии сама поэзия утрачивает <...> свободу и сложность своего положения между лежащей под нею жизнью и высшим началом и свободу вопрошания в обе стороны...» (*Бочаров С.Г. О религиозной филологии // Литературоведение как проблема: Тр. науч. совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре».* М., 2001. С. 483, 493).

² Русская литература. 1982. № 3. С. 81–99.

³ Здесь В.И. Мельник отметил моменты идеализации Обломова в работах Е.А. Краснощековой об «Обломове» и Ю.М. Лошица.

⁴ Волга. 1987. № 6. С. 178–183.

⁵ Русская литература. 1987. № 2. С. 49–62.

⁶ Там же. 1990. № 1. С. 34–45.

⁷ См. также: *Мельник В.И. Этический идеал И.А. Гончарова // Ivan A. Gonarov: Leben, Werk und Wirkung: Beiträge der I. Internationalen Gonarov-Konferenz. Bamberg, 8–10 Oktober 1991 / Hrsg. P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 1994. С. 93–103.*

Здесь исследователь утверждает, что «Гончаров очень остро почувствовал самое общее, как он полагал, направление исторического прогресса. Для него это направление заключалось в том, что мифологический, чувственный, „сердечный“ и религиозный тип познания и мышления постепенно уступает место рациональному, „головному“, научному, позитивному атеистическому типу познания», причем «основы гончаровского мировоззрения, его просветительская вера в благотворность, необходимость прогресса остались неизменными» (с. 24–25). Признавая, что Гончаров «многократно высказывал ту мысль, что в своем нравственном развитии человечество будет стремиться к идеалу, указанному Христом» (с. 27), автор тем не менее полагает, что писателя «Евангелие интересует <...> прежде всего не мистикой, но идеалами гуманности, человечности. <...> Идеал „человечности“ Гончаров исследует как художник не в религиозных, а в сугубо „общественных“ формах» (с. 28, 31). В.И. Мельник соглашается с Л.Н. Толстым в том, как тот ощущал «глубокую „опосредованность“ христианского идеала у Гончарова идеалом эстетическим, античным» (с. 39). Исследователь делает вывод, что «своеобразие художественного мышления Гончарова определяется его попытками органично совместить христианскую и античную (воспринятую в традициях Просвещения) этику, — как идеал и средство движения к идеалу (причем движение мыслится как принципиально бесконечное)» (с. 41). Дойдя в своих рассуждениях до трактовки Гончаровым образа Христа в статье о картине И.Н. Крамского «Христос в пустыне», В.И. Мельник подчеркивает человеческое измерение этого образа: «В трактовке и Гончарова, и Крамского это — подвижник, одинокая, трагическая фигура борца за всемирную гармонию. Этот герой преобразует мир, пересиливая себя, ведя борьбу прежде всего с собой» (с. 73). И по этому признаку сближает с фигурой такого Христа единственного из гончаровских героев, пытающегося переделать себя, — Обломова (с. 74).

После этого интересы В.И. Мельника смещаются в область исследования духовности Гончарова и вместе с тем его религиозности. Статья «О своеобразии религиозности И.А. Гончарова»¹ включает все творчество писателя в контекст темы «Православие и русская литература». Исследователь отмечает, что творчество Гончарова совершенно невозможно понять вне религиозного контекста, и подчеркивает, что «существующие на сегодняшний день интерпретации гончаровских романов страдают существенными недостатками и далеко не полно раскрывают их глубинный смысл» (с. 164). А затем выделяет такой момент: «Гончаров не считал, что жизнь земная является лишь подготовкой к жизни Небесной — в смысле православной аскезы. Путь ко Христу не исключал для него понятия „история“, „прогресс“, „цивилизация“, а напротив, включал их в себя» (с. 166). Вследствие чего Штольц, по мнению ученого, воплощает для Гончарова одну из важных сторон христианской этики (и надо заметить, этой точки зрения В.И. Мельник придерживается по сей день). В образе Обломова исследователь обнаружил сложный синтез черт языческой

¹ Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 164–172.

этики (Обломов — философ-созерцатель, эпикуреец) и православной аскезы (причем последнее опять-таки доказывается ссылкой на образ «просторного и широкого гроба»), но при этом сделал следующее заключение: «Гончаров <...> не воспринял близко аскетическую сторону православия, напротив, уповая на Бога как Творца-преобразователя, наделяющего людей способностью к творчеству» (с. 167). В.И. Мельник выступил с гипотезой о том, что могущий считаться установленным факт все большего отклонения героев гончаровских романов от типов и приближения к идеалам отражается в их фамилиях: Адуевы, Обломов, Райский, — причем Обломов выступает как обломок, возможно, «не только языческого, антично-патриархального мира, но и мира христианского. Душа героя, похоронившая в себе, как в могиле, Божьи дары и сокровища, душа, не воплотившаяся в христианском отношении к истории, душа „старческая“, есть, возможно, душа „отложившаяся“ или „обломившаяся“» (с. 170). Здесь, как нам кажется, постановка в один ряд ленивой души и «старческой» нелогична и исходит из неверного понимания образа «просторного и широкого гроба».

Затем В.И. Мельник выступил со статьей «„Обломов“ как православный роман»¹, где прямо заявил, что это произведение о духовном сне человека, о попытке «воскресения» и, наконец, об окончательном погружении в «сон смертный». Хотя он и признал, что христианство присутствует в романах Гончарова неакцентированно, но нашел, что персонажи живут наполненной религиозной жизнью. Исследователь отметил в тексте «родимые пятна» язычества и проанализировал роман с точки зрения борьбы Обломова с таким грехом, как уныние, духовный сон. Единственное, что может оправдать Обломова, по мнению В.И. Мельника, — чистое сердце. Сам Обломов алчет и жаждет правды, но у Гончарова таких слов нет: добрые качества героя существуют в романе как бы вне духа, вне Христа — как душевные добродетели. Вместе с тем ученый подчеркивает христианские добродетели в Штольце (трудолюбие, чистоту, ответственность за жену) и евангельскую любовь в Агафье Пшенищыной.

В монографии «И.А. Гончаров: духовные и литературные истоки» (М., 2002) В.И. Мельник предпринял анализ религиозно-философских воззрений Гончарова в целом и их связи с традициями русской (начиная с фольклора) и европейских литератур. Более подробно исследователь рассмотрел разные аспекты религиозности в статье «Евангельские блаженства в романе „Обломов“»². Он выделил то, что соотносится с текстом Евангелия: чистое сердце Обломова, кротость, способность плакать, нищету духа (в отличие от Ольги, которая мудра земной мудростью), а также тоску по искренности и правде. Однако отметил, что ко всем евангельским прототипам этих черт, т. е. к блаженствам, Обломов имеет лишь условное отношение, — так как все достоинства героя заданы в романе вне Христа.

¹ И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. С. 143–158.

² *Tusculum slavicum: Festschrift für Peter Thiergen*. Zürich, 2005. S. 171–184.

Последней на данный момент является работа исследователя «Гончаров и православие: Духовный мир писателя» (М., 2008)¹. В ней, очевидно, предполагалось обобщить все предыдущие наработки, но сделано это было в определенном ключе, для православного читателя (издание финансировалось Русской Православной Церковью). Признавая «неявно выраженную авторскую позицию» в романах Гончарова (с. 3), В.И. Мельник выделяет «в „Обломове“ изображение Гончаровым контраста в человеке внешней обрядовой набожности и внутреннего несовершенства». Особенно, как представляется исследователю, Гончарова поражал в обломовцах фатализм, из которого писатель выводил феномен обломовщины, фатализм, при котором уповают на Бога, но самодеятельность человека не принимается во внимание (с. 22) и при котором «апелляция к Богу есть лишь оправдание собственной нерадивости, бездеятельности» (с. 23). Обломовцы живут обрядовой стороной православного календаря, их религиозность тесно связана с язычеством, они грешат суеверием, праздностью и осуждением других, сносят труд как наказание, в них нет христианской любви к другому человеку (мужику в канаве), в них присутствует сугубо плотское начало (что подчеркнуто мотивом еды) (с. 239).

Однако при этом в изображении героя, по мнению В.И. Мельника, «высшей художественной задачей для Гончарова было дать нравственный христианский идеал человеческой личности. С этой точки зрения, драматическая коллизия романа — это коллизия самопознания и попыток борьбы с самим собой доброго, но гибнущего человека. Это христианская сердцевина романа, в котором у Обломова нет явных врагов, нет борьбы с какими бы то ни было противниками. Вся борьба замыкается на самом себе, происходит в душе Ильи Ильича. Остальные герои так расставлены автором в композиции романа, что они лишь оттеняют и иллюстрируют эту внутреннюю борьбу Обломова с самим собой. <...> Драматизм этой борьбы не просто велик: речь идет о смысле жизни человека. Вопрос же смысла человеческого бытия для Гончарова однозначно решается в религиозном (православном) ключе, хотя и опосредуется вопросами общественного и нравственно-личностного существования героя» (с. 236–237, 238). Крупным планом, считает В.И. Мельник, дан главный момент жизни Обломова: попытка подняться, проснуться от «сна смертного» (с. 245), причем роман отталкивается от притчи о зарытом таланте (с. 247), а его духовный смысл кроется в том, что «закопавший свой талант раб в евангельской притче назван не только лукавым, но и *ленивым*, не пожелавшим потрудиться над преумножением духовных дарований» (с. 251).

---

¹ Следует ли обращать внимание на аннотацию на обороте титульного листа с любопытной формулировкой: «Личность и творчество великого русского писателя И.А. Гончарова впервые рассматриваются с христианской точки зрения. Установлено, что писатель находился в церковной ограде от первого до последнего дня своей жизни, а в его романах разлит свет Евангелия. Романная трилогия Гончарова показывает духовное восхождение героя: от Адуева в „Обыкновенной истории“ до РАЙского в „Обрыве“. Книга доказательно ставит имя Гончарова в ряд христианских русских писателей...»?

Хотя исследователь делает акцент на том, что религиозность Гончарова всегда преломляется через вопросы цивилизации, культуры, социума (с. 274), в соответствии с задачей своей книги, он подчеркивает сходство и различия воззрений Гончарова с евангельскими, святоотеческими и каноническими аспектами православного учения. Так, развивая свои взгляды на отражение в романе темы евангельских блаженств, В.И. Мельник отмечает, что Гончаров — прежде всего писатель, поэтому свою задачу он видел «не в следовании святым отцам Церкви в трактовке Евангелия, а в приложении Евангелия к практической жизни многих людей, в том числе и не слишком воцерковленных, но вполне нравственных», а евангельские блаженства, свойственные Обломову, «лишь параллельны евангельским блаженствам в трактовке святыми отцов, но совершенно им не адекватны» (с. 258).

Вместе с тем В.И. Мельник настаивает, что «даже если жизнь Обломова не посвящена поиску Христа, все-таки Христос ищет Обломова и не оставляет его» (с. 259). И поэтому Обломов, хотя и гибнет сознательно, с отчаянием и унынием, но все же возвращает Богу плод от брошенного в землю зерна и, «отщетив свою душу, <...> оживляет других, благодаря своим добрым евангельским начаткам пробуждает их к жизни» (с. 267), вследствие чего автор не выносит приговор герою, но оставляет для него возможность Божьего милосердия.

В.А. Недзвецкий в статье «Тоска Ольги Ильинской в „крымской“ главе романа „Обломов“: интерпретация и реальность»¹ коснулся одного из вопросов, затронутых В.И. Мельником при рассмотрении романа „Обломов“: попытки интерпретировать грусть и недовольство Ольги как тоску о небесном идеале, когда уже найден земной (жизнь со Штольцем), и подать объяснение Штольца в таком ключе: «Туманно и поэтически, но Штолец именно в христианском духе объясняет Ольге ее неожиданную грусть. Штолец акцентирует именно запредельное, лежащее за гранью земного, говорит о совершенно естественных порывах человеческой души к Богу»². В.А. Недзвецкий недоумевает по этому поводу: «Зачем бы, спрашивается, Штольцу, человеку православного исповедания, *намекать* христианке Ольге о ее порывах к Богу, а не прямо и ясно сказать ей об этом <...>? Между тем Штолец, устами которого в данном случае говорит едва ли не сам романист, ссылаясь на байроновского Манфреда, гетевского Фауста, а ранее — и на „Прометеев огонь“, самого Творца поминает лишь в идиоматическом словосочетании „Дай бог“ <...>. И отчего стремление к Богу, если дело было действительно в нем, Штолец именует „мятежными вопросами“ человечества? Что тут мятежного для любого человека и в особенности для людей верующих, которыми являются Ольга и Штолец?» Исследователь приходит к следующему выводу: «Очевидно, объяснение почтенного исследователя — лишь дань умонастроениям определенной части нынешних российских ученых и читателей» (с. 78).

¹ Гончаров. Материалы 195. С. 73–86; см. также: Недзвецкий В.А. Тоска Ольги Ильинской в «крымской» главе романа «Обломов»: интерпретации и реальность // Изв. АН. Сер. лит. и яз. М., 2008. Т. 67. № 3. С. 40–46.

² Мельник В.И. «Обломов» как православный роман. С. 155.

Вслед за В.И. Мельником к интересующей нас теме обратился В.Н. Криволапов. Он пошел по пути углубления исследования связей романа со средневековой христианской и православной традицией. Исследователь начал с анализа образа Обломова в свете этической традиции русского средневековья («косность, рассматриваемая в исторической перспективе, представляется не как природный изъян гончаровского героя <...>, а осознанный (в случае с Обломовым лишь до определенной степени!) поведенческий принцип, занимающий не последнее место в системе этических ориентиров определенной культурно-исторической эпохи»)¹, затем агиографической традиции², пронаблюдал, как религиозность Гончарова и характер его веры проявляются в письмах, воспоминаниях и других произведениях³. Но особенно много внимания посвятил выявлению специфики духовности Обломова и Агафьи Матвеевны. В конце концов он пришел к выводу, что Гончаров создал образы почти иконописные, во всяком случае соответствующие древнерусской житийной традиции, что Обломов действительно схож с пустынноником, так как не подвержен ни одной из известных в христианстве страстей, а Агафья Матвеевна — это настоящая подвижница⁴.

Профессора Московской Духовной академии М.М. Дунаева на путь сравнения образов Гончарова и установок православной веры привела необходимость преподавать в соответствующем ключе курс истории русской лите-

¹ Криволапов В.Н. Еще раз об «обломовщине» // Русская литература. 1994. № 2. С. 36.

² Криволапов В.Н. Обломов в свете агиографической традиции // Фольклор и мировая культура: Тезисы докладов научной конференции «Юдинские чтения—98». Курск, 1998. С. 27—30.

³ Криволапов В.Н. Вновь о религиозности И.А. Гончарова // Христианство и русская литература. СПб., 1999. Сб. 3. С. 263—288. Статья посвящена в основном эпистолярию, романам «Обыкновенная история» и «Обрыв».

⁴ См.: Криволапов В.Н. 1) Героиня Гончарова в свете средневековых ассоциаций // Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании: Межвузовский сб. научных трудов. Курск, 2000. С. 182—188; 2) «Типы» и «Идеалы» Ивана Гончарова. Курск, 2000 (на титульном листе: 2001); 3) Роман И.А. Гончарова «Обломов» в свете типического опыта мировой культуры: Автореф. дис. ... д. ф. н. СПб., 2001. Об образе Пшеницыной см.: Криволапов В.Н. 1) Русские литературные героини в социокультурном пространстве дореволюционной России // Уч. зап. Курского гос. ун-та. Сер. гуманитар. науки. № 1. Курск, 2004. С. 28—38; 2) «Взыскующая» героиня в русской литературе XIX века (от Гончарова до Чехова) // Русская классика: Проблемы интерпретации: Материалы XIII Барышниковских чтений. Липецк, 2006. С. 29—39. С доводами В.Н. Криволапова активно полемизирует В.И. Холкин в статье «Илья Обломов в „обратной перспективе“» (Sub specie tolerantiae: Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008. С. 574—588). В рассуждениях В.Н. Криволапова он видит «почтительно угаанный, необъявленный спор <...> с самим писателем. Спор, в котором Илья Ильич Обломов — типичный идиллик и „в высшей степени идеалист“ (определение Гончарова) — упорно привлекается исследователем в союзники, дабы помочь ему в непростом деле фольклорно-богословского толкования романа» и попытку «внушить <...> читателю веру в серьезную религиозность, фольклорные предпочтения вкуса и специально духовный интерес к корням национального предания самого их создателя» (с. 579).

ратуры. Он, пожалуй, впервые в послереволюционном литературоведении предложил систематизированное религиозное осмысление особенностей развития русской словесности. «Обломову» посвящены несколько его работ¹. В курсе «Православие и русская литература» изложен, как нам представляется, наиболее профессиональный взгляд на роман в русле заявленной темы. Однако это исследование является прикладным, предназначенным для использования в духовном наставничестве, — когда литературное произведение является лишь иллюстрацией к каким-либо положениям веры. Для развития науки о Гончарове оно пригодно лишь опосредованно.

Несмотря на то, что М.М. Дунаев видит в Обломове одного из тех «лишних людей», которых много в русской литературе, и тем самым придерживается несколько устаревшего взгляда на роман, он считает, что тип «лишнего человека» — не социальный, но преимущественно религиозный, т.е. такой, верное осмысление которого можно осуществить, применяя к нему критерии религиозной жизни². Рассматривая с этой точки зрения Обломова, Штольца и Ольгу, М.М. Дунаев видит в них проявления всё той же обломовщины с ее суетностью и душевным томлением. Собственно обломовцы, по мнению исследователя, проникнуты духом праздности, который влечет за собой духовное уныние. Поэтому обломовщина — своеобразное проявление духа уныния³. Если Обломов больше ленится телом, то Ольга — душой (как только отношения выстраиваются не так, как она предполагала, сразу отказывается от подвига спасения Обломова)⁴. Штолец же строит свою жизнь в той системе, где Бога нет, а есть человек, его деятельность. В отношении Бога соблюдается лишь внешняя обрядность. И труд для Штольца — возможность уклониться от пугающего вопроса о смысле бытия, своего рода наркотик⁵. М.М. Дунаев дает своеобразное профессиональное заключение об Обломове и обломовщине: «Обломов нравственно чист, но полнота духовных стремлений ему неведома — еще одно подтверждение, что нравственность не есть духовность. <...> Обломов способен на первый шаг смиренного обращения к Богу: он сознает, что судьба его одними собственными усилиями не может быть устоявлена. Но Бог ждет от Своего создания *соработничества*, волевого участия в жизненном движении, а не фатализма в духе уныния. Обломов оказывается

---

¹ Дунаев М.М. 1) «...Почему пусто в человеческих душах?» // Православная беседа. 1993. № 3. С. 40–41; 2) Русская литература второй половины XIX столетия // Дунаев М.М. Православие и русская литература: Курс лекций Московской Духовной академии. М., 1997. Ч. 3. Гл. 9: Русская литература второй половины XIX столетия. С. 137–283 (Гончаров в православном мировосприятии: с. 224–246); 2-е изд., испр. и доп.: М., 2002; 3) Обломовщина духовная, душевная и телесная // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. С. 113–124.

² Дунаев М.М. Православие и русская литература. 2-е изд. М., 2002. Ч. 3. Гл. 9. С. 270.

³ Там же. С. 272.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 275–276. Рассуждения о бессмысленном труде повторены затем в статье «Обломовщина духовная, душевная и телесная».

не в состоянии совершить волевое духовное движение и праздно бездействует. Так, несомненно, проявляется неполнота веры в человеке, и эта-то неполнота становится сущностною причиною окончательной обломовщины. <...> Обломов, по сути, зарывает данные ему таланты (Мф. 25: 15–30)»¹.

У некоторых авторов можно увидеть стремление использовать роман для демонстрации с его помощью своих религиозных размышлений.

В.К. Дмитриев в статье «Кто разбудит Обломова?: „Обломовщина“ и Православие в романе И.А. Гончарова „Обломов“»² использует очевидные миссионерские приемы построения рассуждений. Ему нужно проиллюстрировать тезис, формулируемый на основе ссылки на текст Евангелия об исцелении паралитика: «Только Господь может совершить исцеление. Без Бога исцеление невозможно» (Ин. 5). В.К. Дмитриев утверждает, что именно такой смысл «прикровенно» лежит в основе романа «Обломов» (с. 125), что Гончаров как истинно верующий человек создает композицию романа на основе православного принципа «никто не должен принуждаться ни к спасению, ни к греху», и что он, «желая сказать о главном в решении „обломовского вопроса“ — о вере и Церкви — говорит о постороннем, чтобы это главное свободным и таинственным образом зародилось в сердцах» читателей (с. 126). В романе, по мнению В.К. Дмитриева, показан образ жизни православного человека, больного обломовщиной, подавляющего в себе дар Божий — жизнь и талант, прежде всего путем суеверия, которое порождает страх земной (обрядоверие), затем — невозможностью уйти от земного мира, от страстей, наконец — унынием, «сном души». Попытка исцеления Обломова Ольгой — земная, основанная на страсти, и потому она не осуществляется. Агафья же, напротив, не принуждает героя просыпаться, однако ее «тайная для Обломова, для окружающих и для нее самой заслуга в том, что она не позволила Обломову окончательно, навечно уснуть духовно, сохраняя таким образом *возможность* для его самостоятельного, свободного пробуждения — обращения к Богу» — только потому, что Обломов жил рядом с ней, глубоко верующей и воцерковленной (с. 129). Характерно, что в статье присутствуют ссылки лишь на евангельские тексты.

Миссионерскую задачу поставил перед собой и А.С. Кондратьев в статье «Трагические итоги духовной биографии Обломова. (По роману И.А. Гончарова)»³, посвященной рассмотрению причин того, почему «русская провинция и национальный характер как хранители нравственных устоев и гаранты стабильности и неизблемости форм жизни не устояли под натиском чужеродной для православного сознания системы аксиологических представлений» (с. 59–60). Как видим, уже в самой постановке проблемы переплетаются «русское» и «православное». И из-за этого в статье один мотив постоянно перебивает другой. Не рассматривая «русское», как не относящееся

¹ Там же. С. 273.

² И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. С. 125–130.

³ Гончаров. Материалы 190. С. 59–65.

к нашей теме, остановимся на втором мотиве. А.С. Кондратьев выделяет момент беспокойства Обломова о «целости» человека, которая, видимо, отсутствует в окружающем его петербургском обществе (наблюдение над «парадом гостей» (с. 61)), и то, что герой уходит от внешнего, суетного мира во внутренний. Однако его внутренний мир двойствен: с одной стороны, он занят «стяжанием благодати и поиском возвращения грешного и порочного мира в лоно судьбы Небесной», с другой — «видит себя новоявленным спасителем», решающим участь народов и совершающим подвиги (с. 62). Желание, посещавшее Обломова, судя по тексту романа, в мечтах, касавшихся судеб всего мира, А.С. Кондратьев принимает за черту национального характера. И видит корни его двойственности в допетербургском периоде жизни, когда герой, усвоив патриархальную «внеличностную первооснову жизни» (т.е. общинное начало, свойственное русскому народу), но при этом, как дальше оказывается, в изолированной от «общей жизни православной России» Обломовке¹, помышляет о предсказанных ему дома успехах на будущем петербургском служебном поприще (с. 62–63). Тут А.С. Кондратьев принимает во внимание сосредоточенность обломовцев на плотском и оторванность от духовного. И делает вывод, что чаяния Обломова об идеале жизни, преисполненной благодати, не исполнились ни при помощи Ольги, которая стремилась сделать его подобным себе (развивающеюся, деятельную личность), ни при помощи Агафьи, так как он, хотя и был счастлив с нею, но полагался не на Отца Небесного, а на беспомощного и одинокого человека: «...трагические итоги духовной биографии Обломова обусловлены прерыванием традиции Богообщения на пути к утверждению благодати силами человека» (с. 65)².

Тоньше, чем В.К. Дмитриев и А.С. Кондратьев, попытался выявить связь «Обломова» с христианскими корнями С.В. Тихомиров в статье «В поисках утраченного света. Мир детства в отечественной классике»³. Автор полагает, что свет, который исходит от детских воспоминаний героев русской классической литературы⁴, и в частности, от воспоминаний Обломова, имеет своим началом не стихию детства как таковую (потому что стихия — неуправляема и темна), а то нравственное начало, которое было дано каждому его матерью, впитано из ее молитвы, обращенной к идеальному Человеку (т.е. ко Христу). При этом, считает С.В. Тихомиров, неважно, что маленький Илюша рассеянно слушал молитву своей матери, — несмотря на это, именно матери,

¹ «...Гончаров художественно воплощает наметившуюся тенденцию размежевания жизни даже русской провинции с Абсолютными началами» (Там же. С. 63).

² Полемизируя с А.С. Кондратьевым, В.И. Холкин замечает, что, «заранее полагая очевидным и трагизм, и духовную двойственность личности Обломова, исследователь выводит свое толкование не из живого литературного события, а из стороннего роману события эсхатологического» (Холкин В.И. Илья Обломов в «обратной перспективе». С. 586).

³ Детская литература. 1989. №9. С. 13–18.

⁴ Кроме «Обломова», в этой статье рассматриваются «Детские годы Багрова-внука» И.С. Аксакова, трилогия Л.Н. Толстого, «Былое и думы» А.И. Герцена, «Бежин луг» И.С. Тургенева, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

ее заботам и ласкам он обязан «своей навсегда в нем оставшейся „голубиной нежностью“, своей „хрустальной, прозрачной душой“ и сердцем, что за всю жизнь не издало „ни одного фальшивого звука“. Стало быть, не просто природной, питающейся соками кровного родства была эта нежная ласка, раз дала она столь одухотворенный плод» (с. 14). Возникает в статье и образ старца-пустынника, но он не исходит из замеченного всеми гончаровского пассажа, а выводится из кротости Илюши: «И вовсе уж ничего военного нет в Илюше Обломове, всedневно оберегаемом от вольных прогулок и шумных игр с бойкими крестьянскими мальчиками» (с. 15). Думается, что последний вывод ошибочен: «голубиная кротость» Обломова могла исходить из христианских начал, из гуманности его мировоззрения, но никак не из того, что в детстве его насильно оберегали от всего и вся.

Отметим работы, в которых внимание обращено не на главного героя романа. Н.Н. Старыгина в статьях «Содержание и поэтика образа Агафьи Пшеницыной, героини романа И.А. Гончарова „Обломов“»¹ и «Вера и воцерковленность Агафьи Матвеевны Пшеницыной. (По роману И.А. Гончарова «Обломов»)»², почти повторяющих одна другую, выявила мотивный комплекс Агафьи Пшеницыной. Последний включает мотив веры героини, выраженный в ее образе жизни, определяемом обрядово-бытовым поведением и тем, что Пшеницына принимает мир таким, какой он есть, а также в воцерковленности, подчеркнутой введением в хронотоп героини церковного календаря (с. 56–58). Исследовательница полагает, что в образе Агафьи Гончаровым был «воплощен тип безгрешной по естеству женщины», для которой «исполнение нравственных обязательств не является принуждением или насилием над своей природой. <...> Естественное богознание служит мотивацией <...> поступков («добрых дел»), соответствующих христианской морали». Каждый из мотивов в романе, связанный с Пшеницыной, имеет христианское основание или подтверждение, но наиболее отчетливо с христианским символическим планом повествования соотнесен мотив ее жертвенности, или, точнее, тайной жертвы, а также мотив тайны любви (или тайны сердца). Оживляя литературного персонажа до степени когда-то действительно жившей женщины, Н.Н. Старыгина считает, что Агафья была просвещена благодатью Божьей (с. 55). Во второй работе она добавляет следующее размышление: образы Пшеницыной и Ольги Ильинской в романе «противопоставлены, как противостоят друг другу поэзия и проза, небесное и земное, идеальное и материальное, рациональное и эмоциональное. Образы героинь символизируют две стороны, две грани жизни, гармония между ними является основанием покоя, о котором мечтал <...> Обломов» (с. 323). Отмечая развитие в христианской культурной и этической традиции культа женщины-матери, призвание которой — любить, Н.Н. Старыгина подчеркивает, что семейная жизнь Обломова в романе изображена «как значимое,

¹ Вестник Марийского гос. пед. ин-та. Йошкар-Ола, 2006. № 3. С. 41–59.

² Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 307–326.

значительное и необходимое явление общественной и личной жизни человека», отчего «пассивная» героиня (Агафья) не осуждается Гончаровым, и ее жизнь не рассматривается как бесполезная. «В романе как бы само собой снимается противопоставление активного и пассивного женских типов. Оно не соответствует действительности с христианской точки зрения» (с. 324; зададимся вопросом — а с точки зрения поэтики романа?). Активность Агафьи исследовательница усматривает в постоянном внутреннем общении с Богом и в постоянной внешней заботе о ближних, в то время как активность Ольги Ильинской — в «неустанном саморазвитии»; такое разграничение в определенной степени обусловлено «различием социокультурного пространства героинь» (с. 324–325).

Во всех работах, авторы которых так или иначе пытаются показать, что в «Обломове» Гончаров преследовал какие-то иные цели (о чем сам же писатель заявлял в предшествующих роману произведениях и в письмах), что христианство и особенно православие каким-то образом скрыты, растворены, «прикровенно» включены в текст, художественно отражены в нем, и т.д., — цитируются практически одни и те же фрагменты, анализируются одни и те же ситуации.

Поскольку до 1980-х гг. «Обломов» не рассматривался как «православный роман», в этих работах практически нет полемики с предшественниками-литературоведами. Они открывают новое направление в исследовании творчества Гончарова и торопятся описать свои находки, не соотнося их с многолетней традицией анализа романа Гончарова как художественного произведения и зачастую противореча элементарной логике.

Однако существуют исследования, авторы которых критически подходят к самому факту присутствия христианского начала в романе и пытаются осветить это с позиций науки, а не религии.

Еще в самом начале массового обращения к теме религиозности Гончарова и «православности» Обломова Н.В. Володина в статье «„Эстетическое сознание“ персонажей романов И.А. Гончарова „Обломов“ и „Обрыв“»¹ постаралась привлечь внимание к тому, что «роман Гончарова не дает серьезных оснований для возведения его к агиографическому жанру» (с. 29). Она отметила, что Обломов в тексте романа безрелигиозен: «Это не означает, что Обломов человек атеистического сознания, отрицающий Бога или сомневающийся в нормах религиозной нравственности: они были органично усвоены им еще в детстве. Однако у него нет потребности обращения к религии, вере в поисках внутреннего совершенствования <...>. Среди нравственных ориентиров Ильи Ильича, скорее, можно увидеть не идеал религиозного подвижника, а идеал определенного типа национального характера, возникший еще в детском сознании Обломова. Он предстал перед героем в сказке» (с. 29).

¹ Володина Н.В. Литературный герой как читатель: (На материале русской литературы 1860-х годов) / Череповецкий гос. ун-т. Кафедра литературы. Гл. 2: «Эстетическое сознание» персонажей романов И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». Череповец, 1997. С. 22–39.

Причину тоски и уныния Обломова Н.В. Володина видит в том, что он был сыном своего века¹.

И все же практически никто из вышеназванных исследователей религиозных мотивов в «Обломове» не обратил внимание на то, как именно сформулирован у Гончарова «артистический идеал», который был актуален для него и при написании романа, и позднее, когда «Обломов» уже вышел в свет: «...изображение честной, доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой натуры»² (многократно цитированное в печати письмо к С.А. Никитенко от 21 августа 1866 г.).

Нет в этом идеале ни одного слова о Боге, о православии, о возможном выходе из ситуации для обрисованной «натуры» через обращение к христианскому опыту преодоления земных невзгод. «Апатия», в которую впадает идеалист Гончарова, — пока еще явственно человеческое самоощущение, а не обличенный писателем грех. К размышлениям о греховности (в христианском смысле), а не об ошибочности (в человеческом) какого-либо поступка Гончаров обратился позже, в период написания «Обрыва». Во всех рассмотренных статьях наблюдается перенос исследователями более поздних воззрений Гончарова на более ранние его произведения.

Безусловно, специалисты, рассматривающие «Обломова» под «религиозным» углом зрения, выявили многие интересные детали и факты, ранее не исследованные. Однако, как нам представляется, ангажированность интерпретаторов последнего времени далеко не всегда идет на пользу науке.

---

¹ Н.В. Володина цитирует Тютчева: «Не скажет век, с молитвой и слезой, / Как ни скорбит перед закрытой дверью. / „Впусти меня! — Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!..“».

² Гончаров. Собр. соч. Т. 8. С. 366.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ОБЛОМОВ: КОНСТАНТЫ и переменные

*Сборник
научных статей*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011